

Оглавление

Глава I. О прогрессе и семействе Смоллуэйсов	3
Глава II. Как у Берта Смоллуэйса начались затруднения	34
Глава III. Воздушный шар	67
Глава IV. Германский воздушный флот	97
Глава V. Битва в Северной Атлантике	144
Глава VI. Война приходит в Нью-Йорк	175
Глава VII. «Фатерланд» выведен из строя	207
Глава VIII. Мир, охваченный войной	238
Глава IX. На Козьем острове	270
Глава X. Мир, охваченный войной	311
Глава XI. Великий крах	338
<i>Эпилог</i>	364

ГЛАВА I

О прогрессе и семействе Смоллуэйс

1

— А прогресс-то не стоит на месте, — сказал мистер Том Смоллуэйс. — Казалось бы, куда уж дальше, — добавил он.

Мистер Смоллуэйс высказал свое замечание задолго до начала войны в воздухе. Он оседлал забор в конце сада и смотрел на большой газовый завод в Бан-Хилле. Его взгляд не выражал ни одобрения, ни порицания. Над комплексом газгольдеров возникали причудливые формы: колеблющиеся пузыри наклонялись и раскачивались во все стороны, росли и кругтели на глазах. Шло наполнение воздушных шаров для послеобеденной субботней воздушной прогулки членов Южно-Английского аэроклуба.

— Каждую субботу летают, — заметил сосед-молочник, мистер Стрингер. — Как будто только вчера весь Лондон приходил подивиться на воздушный шар, а нынче каждая деревня устраивает вылазки. Или вылетки? Газовые компании на них молятся, что на твоих спасителей.

— В прошлую субботу я с картофельных грядок три тачки гравия вывез, — подхватил мистер Том

Смоллуэйс. — Три тачки! Балласт они скидывают! Часть растений поломали, часть с концами засыпали.

— Бабы, говорят, и те летают!

— И от нас еще требуют, чтобы мы называли их дамами, — поддержал соседа мистер Том Смоллуэйс. — Какие же это дамы, коли они летают по воздуху и кидаются в народ камнями? Что ни говори, а я себе благородных дам не такими представлял.

Мистер Стрингер покачал головой в знак согласия, и оба снова предались наблюдению за набухающими тушами воздушных шаров, сменив выражение лица с безразличного на осуждающее.

Мистер Смоллуэйс был зеленщиком по профессии и садоводом по зову души. Низкорослая супруга мистера Смоллуэйса Джессика присматривала за лавкой. Небо сотворило его для жизни в спокойном мире, вот только спокойствия в мире не озаботилось создать. Мистер Смоллуэйс жил среди неуправляемых, нескончаемых перемен, причем в таком месте, где повадки мира вызвали крайне нехорошие подозрения. Злоключения были плотью от плоти почвы, которую возделывал мистер Смоллуэйс. Аренду участка приходилось обновлять каждый год в надежде на милость комитета землевладельцев, считавшего его огород вовсе не огородом, а подходящим участком под застройку. Над садом и огородом — последними клочками сельских угодий в округе, охваченном новыми (далеко не сельскими) веяниями, — нависало скорое распоряжение об отмене аренды. Мистер Смоллуэйс как мог убеждал себя, что любые перемены — к лучшему.

— Казалось бы, куда уж дальше, — повторил он.

Престарелый отец мистера Смоллуэйса еще помнил Бан-Хилл идилической кентской деревушкой. Он служил кучером у сэра Питера Бона, пока не разменял шестой десяток, после чего начал прикладываться к бутылке и развозить пассажиров со станции на омнибусе; так он дотянул до семидесяти восьми и только тогда отошел от дел. Сморщенный старый кучер сидел у очага, готовый излить свои воспоминания на любого зазевавшегося незнакомца. Он мог поведать о бывшем поместье сэра Питера Бона, давно расчлененном на строительные участки, о том, как этот магнат заправлял сельской жизнью, пока здесь еще существовала сельская жизнь, о стрельбе и охоте, о лабазах вдоль большака, о поле для крикета в том месте, «где нонче газовый завод», и о сооружении Хрустального замка. Хрустальный замок находился в шести милях от Бан-Хилла, его величественный фасад сверкал поутру и выделялся синим контуром на фоне предвечернего неба, а по ночам его огни играли для жителей Бан-Хилла роль дармового фейерверка. Потом появилась железная дорога, за ней — виллы без конца и края, газовый завод, гидроузел, огромное море уродливых домов для рабочих, наконец, провели дренажные работы, и ручей Оттерберн, в котором пропала вода, превратился в грязную канаву. Появились вторая железнодорожная станция — Южный Бан-Хилл, новые дома — много-много домов, торговые лавки — много-много лавок, конкуренция, магазины с витринами из прессованного стекла, школьный совет, налоги на землю, омнибусы, трамваи до самого

Лондона, велосипеды, автомобили — много-много автомобилей, и библиотека Карнеги.

— Казалось бы, куда уж дальше, — разводил руками мистер Том Смоллуэйс, живя среди этих чудес.

Но чудеса продолжали прибывать. С первого же дня лавка зеленщика, которую он открыл в самом маленьком из сохранившихся деревенских домов в конце Хай-стрит, выглядела испуганной и затаившейся, словно скрывалась от преследователей. Когда Хай-стрит вымостили, лавчонка оказалась ниже уровня тротуара, и в нее приходилось спускаться по трем ступенькам. Том старался продавать только свой товар — отличного качества, но немногочисленный. Однако прогресс постучался и в его витрину, на ней появились артишоки и баклажаны из Франции, заморские яблоки из Нью-Йорка, Калифорнии, Канады и Новой Зеландии (красивые фрукты, как говорил Том, но английскими их не назовешь), бананы, диковинные орехи, виноград, манго.

Автомобили, сновавшие с юга на север и с севера на юг, становились все мощнее, все практичнее, проносились мимо все быстрее, воняли все сильнее, уголь и посылки вместо вымирающих фургонов в конной упряжке развозили большие громяющие бензиновые повозки, омнибусы на конной тяге уступили место автобусам, даже кентская клубника, вечером отправлявшаяся на лондонские рынки, привыкла к лязгу машин и предпочитала его тележному скрипу, по дороге теряя аромат под воздействием бензиновых паров.

Вдобавок молодой Берт Смоллуэйс обзавелся мотоциклом...

Здесь следует пояснить, что Берт относился к прогрессивному крылу семейства Смоллуэйс.

Ничто не говорит о беспощадном напоре и всеохватности прогресса красноречивее, чем то, насколько глубоко он проник в плоть и кровь семейства Смоллуэйс. Впрочем, в характере юного Смоллуэйса было нечто прогрессивное и предприимчивое еще до того, как он вырос из коротких штанишек. В пятилетнем возрасте Берт потерялся на целый день, а когда ему не было еще семи, чуть не утонул в водохранилище нового гидроузла. В десять лет настоящий полицейский отобрал у него настоящий пистолет. Мальчик рано научился курить, причем не трубку, набитую оберточной бумагой, и не тростник, как Том в детстве, а настоящие американские сигареты, продававшиеся в мелкой расфасовке. К двенадцати годам он шокировал отца нецензурными выражениями. В этом же возрасте нанимался донести поклажу со станции и продавал еженедельник «Бан-Хилл экспресс», тратя свои доходы — три с лишним шиллинга в неделю — на чипсы, комиксы, сигареты и прочие удовольствия и развлечения, считавшиеся атрибутами приятной жизни. Такое поведение не мешало его увлечению литературой, позволившему парнишке закончить седьмой класс школы в чрезвычайно юном возрасте. Я все это рассказываю для того, чтобы природные задатки Берта не вызывали у вас сомнений.

Юноша был на шесть лет моложе Тома, и одно время, когда Том в возрасте двадцати одного года женился на тридцатилетней Джессике и скопил не-

много денег, молодожены попытались привлечь его к работе в лавке зеленщика. Однако подчинение чужим планам не входило в расчеты Берта. Он терпеть не мог копать в земле, а когда ему поручали доставку корзины с продуктами, в нем просыпался неодолимый инстинкт кочевника, корзина превращалась в дорожную поклажу, Берт переставал замечать ее вес и был готов нести ее куда угодно, только не по нужному адресу. Мир был полон волшебного блеска, и мальчишку неудержимо тянуло к нему, хоть с корзиной, хоть без. В итоге Том начал сам разносить заказы, а Берту подыскивал работодателей, не подозревавших о романтической жилке в характере парня. Берт перепробовал целый ряд занятий: был разносчиком у мануфактурщика, мальчиком на побегушках у аптекаря, посыльным при участковом враче, младшим помощником слесаря-газовика, штамповал адреса на конвертах, толкал тележку молочника, носил за игроками клюшки для гольфа и, наконец, устроился в магазин велосипедов. Там-то он и обнаружил веяния прогресса, которых жаждала его натура. Хозяин магазина, молодой человек с душой пирата по имени Грабб, днем с черным от мазута лицом, а по вечерам питавший слабость к мюзик-холлам, мечтал изобрести необыкновенную рычажную цепную передачу. Берту он казался идеалом высокодуховного существа. Грабб сдавал в прокат самые грязные и разболтанные велосипеды во всей Южной Англии и умел с поразительной наглостью отбрехиваться в ответ на последующие упреки. Они быстро нашли общий язык. Берт жил в магазине и научился лихо водить велосипед. Он мог подолгу носиться на

велосипеде, который под вами или мной немедленно бы развалился, приобрел привычку умыться после работы и тратил заработанный излишек средств на диковинные галстуки и воротнички, сигареты и курсы скорописи.

Порой Берт заглядывал к Тому. Внешний вид и манера речи брата были настолько блестящи, что Том и Джесси, от природы имевшие склонность с уважением относиться даже к первому встречному, смотрели на него как плебеи на благородную особу.

— Берт далеко пойдет, — говаривал Том. — Он много чего знает.

— Будем надеяться, что не слишком далеко, — отвечала Джессика, тонко ощущавшая пределы возможного.

— Настало прорывное время. Но не для огородников с их картошкой, да еще английских. Если так дальше пойдет, картошка уже в марте будет созревать. Я впервые вижу такие времена. Ты заметила, какой вчера на нем был галстук?

— Это галстук для джентльмена. Берт его достоин, да и остальная одежда... совсем ему не к лицу.

Вскоре Берт обзавелся нарядом велосипедиста: кепкой, бляхой и прочей амуницией. Глядя, как он и Грабб, наклонив головы, опустив руль и выгнув спину, несутся в Брайтон (и обратно), можно было легко поверить, что прогресс действительно был у Смоллуэйсов в крови.

Воистину прорывное время!

Старый Смоллуэйс сидел у огня и бормотал о величии прежних дней, о старом сэре Питере, экипаж которого покрывал дорогу в Брайтон и обратно за

двадцать восемь часов, о белых цилиндрах старого сэра Питера, о его супруге, леди Бон, которая никогда не ходила пешком, разве что по дорожке в саду, о знаменитых поединках профессиональных боксеров в Кроули. Рассуждал о розовых бриджах из свиной кожи, о лисах на окраине Рингс-Боттома, где совет графства теперь держал под замком нищих сумасшедших, о ситцевых платьях и кринолинах леди Бон. Его никто не слушал. В мире родился совершенно новый тип джентльмена — человека неджентльменской энергии, в запыленной непромокаемой куртке, защитных водительских очках, причудливом кепи, джентльмена, распространяющего вокруг себя бензиновый смрад, шустрого, светского непоседы, улепетывающего по дорогам от пыли и вони, которые сам же постоянно производил. Благородные дамы, которых порой можно было видеть в Бан-Хилле, выглядели как обветренные богини, по-цыгански плюющие на утонченность. Они были не столько одеты, сколько упакованы для перевозки скоростным транспортом.

Берт рос, окруженный идеалами быстроты и предприимчивости, и стал своего рода механиком двухколесных машин, небрежно cedящим сквозь зубы: «Ну-ка, посмотрим, что там у вас», грозой эмалевых покрытий. Его бы не удовлетворил даже гоночный мотоцикл, способный разогнаться до ста двадцати миль в час, но пока что приходилось тащиться со скоростью всего двадцати миль по дорогам, на которых появлялось все больше пыли и механического транспорта. Тем не менее сбережения Берта потихоньку росли, и однажды ему улыбнулась уда-

ча. Система продажи в рассрочку позволила преодолеть финансовый разрыв, и одним ярким, памятным воскресным утром Берт выкатил свое сокровище из магазина на дорогу, с помощью и под наставления Грабба сел в седло мотоцикла и, тарахтя, скрылся в дымке истерзанного колесами шоссе, чтобы бескорыстно внести личный вклад в угрозу для людей и построек в южной части Англии.

— В Брайтон покатыл! — воскликнул старый Смоллуэйс, со смесью гордости и осуждения наблюдая за младшим сыном из окна гостиной над лавкой зеленщика. — В его возрасте я и в Лондон-то ни разу не ездил. Дальше Кроули носу не казал. Только там и бывал, куда мог сам пешком дойти. Да и другие тоже. Одни господа ездили. А нынче все куда-то едут. Вся треклятая страна расплзается по швам. Вернутся ли еще? В Брайтон! И он туда же! Лошадок никто не желает купить?

— А я вот в Брайтоне не был, — сказал Том.

— И не больно-то надо, — резко оборвала его Джессика. — Без толку только шляться да деньги тратить!

3

На какое-то время возможности мотоцикла настолько захватили ум Берта, что он, поддавшись душевному стремлению к спортивному азарту и новизне, перестал следить, куда его несет. До него не сразу дошло, что и автомобиль, и мотоцикл уже вошли у людей в привычку и начали терять свой романтический ореол. Однако, как ни удивительно, первым новое явление заметил не он, а Том. Работа в огоро-